

Е. ДОЛМАТОВСКИЙ

**ПЕСНЯ
О ДНЕПРЕ**

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1942

Д 64

P2 9743

*Евгений
ДОЛМАТОВСКИЙ*

**ПЕСНЯ
О
ДНЕПРЕ**

*Фронтовые
стихи*

*Издательство
ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ“
5 2*

Украина, Украина, Украйна,
Дорогая моя,
Ты разграблена, ты украдена,
Не слышать соловья.

Я увидел тебя распятою
На немецком штыке
И прошел равниной покатою,
Как слеза по щеке.

В торбе путника столько горести
Не легко пронести.
Землю черную полной горстью я
Собирал на пути.

И леса твои и поля твои —
Все забрал бы с собой!
Я бодрил себя смертной клятвою
Снова вырваться в бой.

Ты лечила мне раны ласково,
Укрывала, когда,
Челюстями стальными ляская,
Подступала беда.

Все ж я вырвался, вышел с запада
К нашим, к штабу полка,
Весь пропитанный легким запахом
Твоего молока.

Жди теперь моего возвращения,
Бей в затылок врага.
Сила ярости, сила мщения,
Как любовь, дорога.

Наша армия скоро ринется
В свой обратный маршрут.
Вижу — конница входит в Винницу,
В Киев танки идут.

Мчатся лавою под Полтавою
Громы наших атак.
Наше дело святое, правое.
Будет так. Будет так.

Воронеж.
9 ноября 1941 г.

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы и росли.
Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.

Ты увидел бой, Днепр-отец-река,
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он, как герой.

Враг напал на нас, мы с Днепра ушли.
Смертный бой гремел, как гроза.
Ой, Днепро, Днепро, ты течешь вдали,
И волна твоя, как слеза.

Из твоих стремнин ворог воду пьет,
Захлебнется он той водой.
Славный день настал, мы идем вперед,
И увидимся вновь с тобой.

Кровь фашистских псов пусть рекой течет,
Враг советский край не возьмет.
Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ,

Мы бинокли к глазам поднесли
И увидели город вдали.
В синеве проплывали дома,
Как огромные корабли.

Горизонт был от зноя волнист,
Слышен пуль беспорядочный свист.
— Вижу Киев, — тихонько сказал,
Вылезая из башни, танкист.

Улыбнулся устало другой:
— Ошибаешься, мой дорогёй.
Это старый печальный Смоленск
Белым камнем блестит под горой.

— Что за город — дешёвый вопрос, —
Заворчал черноморский матрос. —
Как Одессы своей не узнать,
Если я там родился и рос. —

Мы на запад глядели, туда,
Где сурово дымилась беда,
И, готовясь к атаке ночной,
Узнавали свои города.

Харьковская область.
Май 1942 г.

Середина двадцатого века.
Полпланеты войною гремит.
И летит вдоль дороги лелека,
Украинская птица летит.

Что летишь ты за нашей колонной,
Оставляя гнездо на трубе,
Или хаты в долине зеленой
Показались чужими тебе?

Серым танком прибита пшеница,
И воронка, и выдолблен шлях.
Улетает печальная птица,
Наш уют унося на крылах.

Нет у нас ни покоя, ни дома,
Маки в поле цветут не для нас.
Лишь раскат орудийного грома
Будет голосом нашим сейчас.

Птица счастья! Тебе непонятно
Отступление наше! Ну что ж,
Будет день, ты вернешься обратно
И разбитую хату найдешь.

Пусть вода станет красною в реках,
Смерть пусть ходит по нашей судьбе,
Чтобы вновь прилетела лелека
И свивала гнездо на трубе.

Каменец-Подольская область.
Июль 1941 г

По дорожке по одной
Ходит-ходит смерть за мной.
Ходит-ходит, не находит,
Все проходит стороной.

То промчит грузовиком,
То в лесу блеснет штыком,
То с гармоникой губною
По шоссе идет полком.

Я уж пережил расстрел,
Все равно остался цел,
Хоть стоял у белой стенки,
Сам, как эта стенка, бел.

Двадцать семь коротких лет
Будет мне, — а может, нет.
Может, я и не увижу
Над Москва-рекой рассвет.

Только как мне передать,
Чтобы ты, и дочь, и мать
Верили в мою победу,
В то, что смертью нас не взять?

Чтобы знали, как я жил,
Бился из последних сил,
Что, в глаза винтовкам глядя,
Я душой не покривил?

Полтавщина.
Октябрь 1941 г.

В местечке Н. противник был разбит
Стремительным ударом в час рассвета,
И радио об этом говорит,
И пишет так московская газета.

Жена и мать бойца вдали прочтут
Скупой рассказ о подвигах суровых.
Им не узнать, что это было тут,
Среди садов украинских вишневых.

Но сколько женщин в тишине ночной
Вздохнут, склонившись над строкой газетной:
В местечке Н. сейчас воюет мой,
Мой муж, мой сын, мой воин беззаветный.

Местечко Н. сейчас назвать нельзя —
Штабные карты спрятаны в планшеты.
Но разве позабудем мы, друзья,
Поля войны, скупые грозы лета?

Иди в сраженья сквозь огонь и дым,
Чтоб пела родина о славном сыне
И чтоб назвали именем твоим
Местечко Н., зеленое в долине.

Ночи и дня покачнулись весы,
В рощу пехота сходилась во мраке.
Были колени мокры от росы,
Мчались ракет разноцветные знаки.
И, ожидая начала атаки,
Юный комбат посмотрел на часы.

Начал атаку гвардейский арtpолк.
Бил он и ухал снарядной лавиной.
Грохот огня на мгновение смолк,
И над зеленою лунной долиной
Вдруг мы слышали шелк-перещелк,
Чистый и радостный свист соловьиный.

Был соловей иль бесстрашен, иль глух,
Что не заметил военного лиха,
Только он пел и шелкал во весь дух,
То угрожая, то ласково, тихо,
Словно пуская серебряный пух...
И отвечала ему соловьиша.

С пеньем смешалась огня крутоверть,
И улыбнулся танкист над турелью.
Дрожью весеннею вздрогнула твердь,

В жилах людей пробежало веселье.
Видно, любовь посильнее, чем смерть,
Жизнь говорит соловьиною трелью.

Вот уже стал горизонт лиловей,
Солнце всходило, как темное пламя.
Пел соловей, соловей, соловей.
Это отчизна садов лепестками,
Первой любовью, воспетой веками,
Чуть зеленеющих веток руками
В бой провожала своих сыновей.

Волчанск.
Май 1942 г.

Певица по радио пела,
И голос летел далеко,
Сперва осторожно, несмело,
А после, как птица, легко.

Был город в тугие объятия
Тревожного сна погружен,
Была она в бархатном платье,
Стоял перед ней микрофон.

А где-то в небесном молчанье,
Стараясь держаться прямой,
С далекого бомбометанья
Летят самолеты домой.

Несут они много пробоин,
Идут тяжело в облаках.
Сидит за приборами воин
В своих марсианских очках.

Певица о юности пела,
О лебеде и о тоске.
Анодная лампа горела
На аспидно-черной доске.

Из Гамбурга яростный зуммер
Свистел, и гремел, и урчал,
Но голос певички не умер,
Он только сильнее звучал.

Два мира в эфире боролись.
Сквозь бурю, сквозь грохот и свист
Услышал серебряный голос
В наушниках юный радист.

Узнав позывной Украины,
Над крышами горестных сел
Пилот утомленный машину
По песне, как лебедя, вел.

Пришли самолеты на базу,
Родные найдя берега,
И песня, пожалуй, ни разу
Им так не была дорога.

—

Три танкиста, три веселых друга —————

Я прошел от севера до юга,
Слыша голос песенки живой:
«Три танкиста, три веселых друга,
Экипаж машины боевой».

На привале и в разгаре боя
Я знакомых спрашивал ребят:
Кто они такие, эти трое,
Что о них повсюду говорят?

Шел я северным карельским краем, —
Северяне отвечали мне:
Это наши парни, мы их знаем,
Лучшие танкисты на войне.

Лишь вчера свой танк в сраженье ринув,
Три героя песенки простой
Разгромили роту белофиннов,
Растоптали танковой пятой.

Я хотел поздравить их с победой,
Не нашел их — в лагере темно.

Говорят, они ушли обедать,
А потом отправились в кино.

Что ни день, то новая заслуга.
Я услышал вскоре под Москвой:
Три танкиста, три веселых друга,
Экипаж машины боевой.

Рассказали мне, как били гадов
Наши знаменитые друзья,
Шли вперед под бурю снарядов,
Дав команду: «Делайте, как я!»

Где они живут, в какой землянке?
Я хотел бы руки им пожать.
Дома нет их, вновь ушли на танке:
Отдых краток — надо воевать.

Были дни тревожны. Ночью мглистой
Смерть плела свою стальную сеть.
Что не слышно песни о танкистах?
Сердцу больно, разве можно петь?

Где-то возле Северного Буга
В окруженье, в схватке ольцовой
Три танкиста, три веселых буга,
Экипаж машины боевой.

Мы сказали: эти не согнутся,
Легкий танк их крепок, как редут.
Что бы ни было, они пробьются,
Вы увидите, они придут.

Вырвались от немцев ненавистных,
Через все преграды перешли
Три веселых друга, три танкиста,
На буксире пушку привели.

Через разгулявшиеся вьюги
Ринулись три друга напролом.
Я хотел увидеть их на юге,
А они — сегодня под Орлом.

За могучею броней башен
В ватниках стоят богатыри.
Все фронты гордятся — это наши
Три танкиста. Разве только три?

Танк идет, вздымая вихрь снежинок,
Белый танк, суровый сын зимы.
Жизнь и смерть сошлись на поединок.
Немцы — смерть, а жизнь и правда — мы.

Новые сказанья, прогремите,
Как в атаку ринулся восток,

Как сражались молодой водитель,
Командир и башенный стрелок.

Снова повторяет вся округа
Строки нашей песни фронтовой:
Три танкиста, три веселых друга,
Экипаж машины боевой.

К нам на фронт прибывают подарки.
Новый год отмечается так:
Вот платочек с каемкою яркой,
Вот душистый грузинский табак.

Мы разделим табак между всеми
И, вдыхая дымок голубой,
Вспомним наши далекие семьи,
Ощутим их тепло и любовь.

Закурив, улыбнемся друг другу
У костра в заметенном лесу
И пойдем сквозь январскую вьюгу,
Автоматы держа на весу.

Что ж, товарищ, нам надо ответить
На подарок подарком своим,
Год победы торжественно встретить.
Что подарим мы нашим родным,

Нашей родине? — Вот что подарим,
Вот чем встретим мы новый наш год:
По врагу беспощадно ударим,
Продвигаясь вперед и вперед.

Нас отчизна ведет в наступленье,
Мы идем сквозь огонь и снега,
Дарим ей города и селенья,
Вырывая из пасти врага.

Бой суров, беспощаден и жарок,
Бьет без промаха мой автомат.
Пуля — вот новогодний подарок
Для проклятых фашистских солдат,

Чтоб не встретили нового года,
Чтоб навеки не встали с земли
Эти выродки волчьего рода,
Что душить наше счастье пришли.

Как бокал, поднимаю гранату
За советскую нашу звезду
И за то, чтоб закончить расплату
В наступающем новом году,

Вдали от фронтовых дорог
Есть светлоглазый городок.
Не затемняют там огней,
И ночью — света хоровод.
Я там провел немного дней,
Пока прошел апрельский лед.
Я заходил к твоей семье,
Послушай о ее житье.

Жены твоей я не застал —
Ты знаешь, там теперь завод.
Я с мальчиком твоим играл
И ждал, когда она придет.

Он теребил мои ремни —
Ему понравились они.
Он синеглаз и белобрыс,
Высоколоб, совсем как ты.
В черты его лица влились
Твои знакомые черты.
Родившийся вблизи Карпат,

Меня он спрашивал не раз,
Когда поедem мы назад,
И я ответил — близок час!

А к вечеру пришла она,
Твоя любовь, твоя жена.
Она, усталая, вошла,
Сняла платок, подарок твой,
Кивнула гордой головой,
И стала комната светла.
Апрельский день за речкой гас,
Твой мальчик спал и видел сны,
И твой портрет смотрел на нас,
Во Львове снятый до войны.
Я рассказал, как минный вал
Тебя в укрытьe миновал,
Как между двух горящих сел
Ты батальон в атаку вел.
Я умолчал, как ты просил,
Что ты два раза ранен был.

В углу с клубком сидела мать.
И я тебе не стану врать:
Немного сгорбилась она,
В ее глазах — туман тоски,
И поздним снегом седина
Пробилась на ее виски.

Я видел — всё в дому твоём
Полно дыханием твоим,
И я не спрашивал о том,
Попрежнему ли ты любим.

В отпуск ездил я в город родной,
И война приезжала со мной.

Нет! Наверно, здесь раньше была
И меня на вокзале ждала.

Ни подруги, ни друга, — одна
На перроне стояла война.

На Арбат зашагал я пешком,
Мимо рельсов и бочек с песком.

Мне открыли тяжелую дверь.
Детским сном здесь не веет теперь,

Только кукла лежит без косы
Да с поломанной стрелкой часы.

Здесь мне нечего делать, — уйду,
По снегам, по несбитому льду.

Переулками первой любви
Проходи, но друзей не зови.

Навещая седых матерей,
Не расспрашивай про сыновей.

На диванах чужих ночевать
Не хочу! — мне опять воевать!

Видно, родина наша и дом
В тех селеньях, куда мы войдем,

На полях, где врага мы согнем,
На дорогах под минным огнем.

Если знаешь, что значит тоска,
Не бери на войне отпуска.

—

Д. Кабалевскому

В тесной хате с разбитою дверью,
Где таится в углах суеверье,

Слышу музыку. Что это значит?
То ли скрипка далекая плачет,

То ли сон, то ли жалоба ветра
От противника в двух километрах.

Ночью темною, ночью туманной
Мне не спится от музыки странной.

Ничего я в оконце не вижу,
Только музыка ближе и ближе.

Едут пушки, рубеж свой меняя,
В двух шагах от переднего края.

Скрип колес по завьюженным кручам
Показался, как скрипка, певучим.

Будто в сказке, рожки и фаготы
Откликались на зов непогоды.

...Видно, музыки хочется очень,
Если пушки поют среди ночи!

Над холодной равниною голой
Воздух рвется, как полотно.
Пролетает снаряд тяжелый,
В хате вздрагивает окно.

И комбат говорит спокойно,
На стекле оцарапав лед:
— По фашистам из дальнобойной
Не «Борис ли Петрович» бьет? —

И в ответ на слова комбата,
Очень тих и совсем далек,
В небе утреннем синеватом
Паровозный поет гудок.

Селянникович и Попович
Звались русские богатыри.
Богатырь наш «Борис Петрович»
Грозно стал на краю зари.

Дали это людское имя
Бронепоезду. В трудный час
Он орудиями своими
Защитит и поддержит нас.

Поезд строили в смену ночную
Паровозники-старики.
Обрагились в броню стальную
Пионерские пятачки.

И рубли хозяек домашних,
Что сбирал городок вдали,
Развернулись в стальные башни
И, как все, на врага пошли.

Вот он бьет изо всех орудий,
И в лощинах меж зимних сел
Узнают, улыбаясь, люди,
Что «Борис Петрович» пришел.

Пусть когда-нибудь в славную повесть
Про геройский советский век,
Громыхая, войдет бронепоезд,
Называвшийся, как человек.

г. Твм.
Январь 1942 г.

Воет вьюга на Осколе,
По реке скользят ветра.
Говорят, сегодня в школе
Будут танцы до утра.

Хриплый голос радиолы,
Снег, летящий на порог,
Запах пудры невеселый,
Топот валеных сапог.

Танцы — вечная погоня
Удивительно легка,
И лежит в моей ладони
Незнакомая рука.

Вряд ли вы меня поймете
В ваши восемнадцать лет.
Я собьюсь на повороте
И один уйду в буфет,

Где, имея на примете
Платье в розовых цветах,
Вперевалку, как медведи,
Ходят летчики в унтах.

Наш отъезд назначен на семь.
Чуть светлеют небеса.
Чем же мы судьбу украсим
На последних два часа?

Только сядем по машинам
Под брезентное крыло,
Ты рукою помаши нам
Сквозь морозное стекло.

И запомни нас такими —
В перекрещенных ремнях,
Некрасивыми, родными,
С автоматами в руках.

И прости, что едем мимо,
Что в больших глазах твоих
Видим мы глаза любимых
Дальних ласточек своих.

Купянск.
Февраль 1942 г.

На хуторе, за выжженным селеньем,
Мы отдыхали перед наступленьем.
Всю ночь ворчали мы. Признаться честно,
На земляном полу нам было тесно.
Но шире не было в селе хатенок,
По нашим головам ходил котенок.
И каждый ощущал плечо иль руку,
Тепло соседа — близкую разлуку.
В сыром, холодном сумраке рассвета
Вонзилась в небо желтая ракета.
Был синий день, и красный снег, и грохот,
И гаубица не уставала охать.
И трое из соседей по ночлегу
Раскинулись по взорванному снегу.
А вечером мы вновь ввалились в хату.
Телефонист прижался к аппарату.
А мы легли на пол, сырой и черный,
Но стала хата прежняя просторней.
Ночную вьюгу слушали в печали,
По тесноте вчерашней мы скучали.

1 января 1942 г.

*Партизанские
песни*

Едет по земле родимой,
Занятой врагами,
Партизан Неуловимый
С верными друзьями.

Он оставил сад и хату,
Сел на полукровку,
Привязал к седлу гранату,
В руки взял винтовку.

Где советские колхозы
Сеяли и жали —
Вражьи движутся обозы,
Танки зарычали.

Где веселые девчата
Песни распевали —
Вражьих выстрелов раскаты
Смертью прозвучали.

Налетайте, партизаны,
Бейте, не жалея,
Чтоб фашистский дух проклятый
По ветру развеять!

На шоссе горят машины,
Танки запылали, —
Это дети Украины
На врага напали.

Налетели и исчезли
За огнем и дымом.
И осталась только песня
О Неуловимом.

Окружили синие туманы
Наш лесок, походное жильё.
Запоемте песню, партизаны,
Чтоб друзья услышали ее.

Пусть на небе звезды светят ярко,
Я гадать не стану о судьбе.
Что грустишь ты, Оля, партизанка,
Или Киев вспомнился тебе?

Не грусти, туда вернемся вскоре,
Погуляем около Днепра.
Отомстим врагу за кровь и горе,
И настанет славная пора.

Ведь недаром «Мстителем» зовется
Наш отряд, пристанище мое.
Эта песня шопотом поется,
Чтоб враги не слышали ее.

Самолет летит высоко,
Самолет летит с востока
По тревожному пути.
Здравствуй, сокол быстроекрылый,
Опустись, товарищ милый,
Над родными тополями
Низко-низко пролети!

Самолет спустился низко,
Вижу звезды близко-близко,
Детвора бежит из хат.
Не пройдет еще минуты,
Замелькают парашюты,
За деревню, на поляну
К нам гостинцы полетят.

Это нам привет от брата,
Не забыли нас, ребята,
Скоро армия придет.
Дети вольной Украины
Со своей Москвой едины,
В их глазах синее небо,
Где советский самолет.

Над равниною печальной
Пролетел разведчик дальний, —
Стало сердцу веселей.
Мчит он вестником свободы,
Видит нашей мести всходы,
Видит он друзей и братьев
У высоких тополей.

Передай, что мы воюем,
Не сдаемся, не горюем,
Бьем непрошенных гостей,
Поджигаем вражьи танки.
Партизаны, партизанки
Боевой верны присяге —
Дети родины своей.

По дорожке по прямой
Сукин сын идет домой.

А навстречу — партизан,
А в руках его — наган.

— Здравствуй.

— Здравствуй.

— Как живешь?

— Ты куда, сосед, плывешь?

— Нас разбили — вот беда,

Нет дороги никуда!

А в руках-то не винтовка,

А немецкая листовка.

— Ой, сусида, не крути,

Ты домой решил уйти.

Только вряд ли ты дойдешь,

На дорожке пропадешь!

— Ой, сусида, милый друг,

Не бери нас на испуг.

Немец скажет — Русь капут,

Жинка ждет и дети ждут.
Мы ведь жили бок о бок,
Дай дорогу, голубок.

— Что ж, сусида, проходи,
Да на солнце погляди.
Все же ровно тридцать лет
Рядом жили мы, сосед.

А теперь судьба не та,
Путь наш в разные места:
Мне — в трипольские леса,
А тебе — на небеса.

Коротка с врагом беседа.
Был сосед — и нет соседа.

—

Пройдя сквозь туманы,
Бойцы-партизаны
Заходят в родное село.
В знакомые хаты,
Где жили когда-то,
Сурово глядят сквозь стекло.

Проклятые немцы,
Враги-чужеземцы
Впавалку лежат на полу.
Поломана вишня,
И пивня не слышно.
Не смерть ли прошла по селу?

У старой криницы,
Как черные птицы,
Три страшные трупы висят.
Ой, чья это жинка,
Чья мать-украинка,
Что хлеб приносила в отряд?

Емелее, ребята,
Приходит расплата!
Прости нас, родное село.

Граната рванулась,
И пламя взметнулось,
И зарево в небо взошло.

От дому до дому,
Огонь на солому,
Качнулись два красных крыла.
В ночные туманы
Бойцы-партизаны
Ушли из родного села.

По селенью, что снова свободно,
Ходит песня советских бойцов,
И навстречу колонне походной
Партизаны идут из лесов.

Через плечи повесив берданы,
Снявши иней с колючих бород,
Обнимают своих партизаны,
И сбегается сельский народ.

Только хмурятся брови старшого,
Смотрит он на ватагу ребят.
Всех встречают, — он молвит сурово:
— Почему же не вышел мой брат?

Не дождался начальник ответа.
Лишь в печальных глазах рассмотрел,
Как избитым, безмолвным, раздетым
Немцы хлопца вели на расстрел.

Видно, страшная эта картина
В память людям навеки вошла,
Как страдалица мать-Украина
Шла за хлопцем до края села.

Нет, не кончилась наша расплата,
Мы зашли до своих лишь на час.
Отомстим, партизаны, за брата,
Не иссякли патроны у нас!

Все ответили: — Хватит патронов,
Мы сегодня пойдем за тобой
В тыл врага, через линию фронта,
Потаенной лесною тропой.

Через плечи повесив берданы,
Снявши иней колючий с. бород,
Вновь уходят в леса партизаны,
Провожает их сельский народ.

Украина.
1941 — 1942 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Украине моей</i>	<i>3</i>
<i>Песня о Днепре</i>	<i>5</i>
<i>Город вдали</i>	<i>6</i>
<i>Лелека</i>	<i>7</i>
<i>В окружении</i>	<i>9</i>
<i>Местечко Н.</i>	<i>11</i>
<i>Соловей</i>	<i>12</i>
<i>Пеленг</i>	<i>14</i>
<i>Три танкиста, три веселых друга</i>	<i>16</i>
<i>Подарки</i>	<i>20</i>
<i>О твоей семье</i>	<i>22</i>
<i>Отпуск</i>	<i>25</i>

<i>Музыка</i>	<i>27</i>
<i>„Борис Петрович“ . .</i>	<i>28</i>
<i>Танцы до утра . . .</i>	<i>30</i>
<i>Ночлег</i>	<i>32</i>

**ПАРТИЗАНСКИЕ
ПЕСНИ**

<i>Партизан Неуловимый</i>	<i>35</i>
<i>Песня шопотом . . .</i>	<i>37</i>
<i>Самолет летит с востока</i>	<i>38</i>
<i>„Сусида“</i>	<i>40</i>
<i>Родное село</i>	<i>42</i>
<i>Уходят в леса партизаны</i>	<i>41</i>

Редактор *М. Дальцева*.
Подписано в печать 28/VIII 1942 г.
Л75.87. Тираж 25 000. Зак. 1250.
1 1/2 печ. л. 1,16 уч.-издат. л.
39 000 зн. в печ. л.

Ц на 70 коп.

Фабрика юношеской книги
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия».

77
Цена 70 коп.

и

44